

Yusopova O.S.

**SYNTACTIC UNITS AS
LINGUOPOETICS IN LITERALLY
TEXT (BY THE EXAMPLE OF
KHASHIMOV'S PROSE)**

Yusopova O.S., Uzbekistan, Senior research fellow at
Samarkand State University

Исследователи языка художественной литературы отмечают многообразие средств художественной изобразительности, усиливающих эстетическое воздействие текста на читателя [10. С.10]. Действительно, художественно-эстетические средства, создающие образность, не ограничиваются рамками слова и будут целесообразным искать их в фонетических и синтаксических единицах художественного текста. Каждая лингвистическая единица в тексте имеет важное значение при изучении художественной речи в лингвистическом аспекте, места и идейно-эстетической функции элементов языка в структуре художественного произведения, а также в эволюции художественного сознания писателя [5. С.17].

Для подтверждения наших слов обратимся к повестям одного из ярких представителей узбекской литературы XX века Уткира Хашимова «Икки кара икки беш» («Дважды два пять»), «Дунёнинг ишлари» («Дела мирские») [*здесь и далее перевод наш – Ю.О.*] и попытаемся определить место синтаксических единиц в художественном тексте, их изобразительные и экспрессивные возможности путём синтаксического анализа данных произведений. Повествование от первого лица главных персонажей в этих повестях является очень удачным для писателя, поскольку, во-первых, обеспечивается простота в изображении. Простота же, в свою очередь, порождает естественность в изображении и создаёт почву для правдивости изображения. Во-вторых, данный приём, выбранный У.Хашимовым, способствует формированию его творческого метода. Преобладание простых предложений над сложными за счёт передачи сюжета произведения устами персонажей

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

является первым признаком данного метода. Следующие факторы, определяющие художественный метод писателя, проявляются в связи с плодотворностью применения простых предложений. В тексте вышеуказанных произведений использованы все виды предложения по цели выражения. Употребление утвердительных, вопросительных и повелительных предложений одного на месте другого для усиления экспрессивности и эмоциональности необходимо рассматривать как художественное мастерство У.Хашимова. Так, слова в речи главного персонажа повести «Дважды два пять» Кушакбая с семантикой утвердительного предложения, но данные в форме вопросительного или изъявительного – *Қанақа бедаво дарда йўлиқдим ўзи? Дадамга айтолмасам, энамга айтолмасам? Ўртоқларим тушунмаса ёки Жилла курса меҳмон бўлиб келмайсанми, аҳмоқ! Мен сенга дардимни айтмайманми!* (Какой же неизлечимой болезнью я заболел? Если не могу рассказать отцу, поведать матери? Не можешь хотя бы погостить, дурак! Не изолью ли тебе свою душу!) – служат исключительно для придания экспрессии. Автор также эффективно использовал стилистические возможности отрицательных предложений посредством утверждения: *Мана энди Қўшоқвой Ортиқов деса танимайдиган одам йўқ!* (Вот теперь нет человека, который бы не знал, кто такой Кушакбай Артықов!) [11. С.286]. *Қараб турсам, дадамнинг ўнг лунжи учяпти. Кошки, одатини билмасам!* (Смотрю, у отца подергивается правая щека. О, если бы я не знал его привычку!) [там же, 194]. *Уйга қиринлар. Сизга деса бир-бирини гўштини емайди, булар! Заходите в дом. Пускай изгрызут друг друга, вам то что!* [там же, 357]. В данных предложениях семантика утверждения достигается с помощью элемента «йўқ» («нет») и отрицательной формы глагола. В предложении с аналогичной конструкцией (*По мне хоть сдохнет!*) гармонируют две стилистические задачи – экспрессивность и функциональность. Тем самым обеспечиваются естественность и простота, свойственные разговорному стилю, а также выразительность, присущая художественному стилю. Принцип равнозначности двойного отрицания к утверждению функционирует в узбекской разговорной речи: *Эрталаб дадам: Ўғлим, тулторингни эгарлаб барг қидирмасанг бўлмайди, деган.* (Утром отец сказал: сынок, дело не пойдет, если ты не пощипешь листьев, оседлав коня!) [там же, 210]. *Энг машъал механизмимиз келмаса бўлмайди, дедилар.* (Сказали, ничего не получится, если не придет наш самый передовой механизатор) [там же, 367]. В некоторых случаях передачи утвердительного значения в форме

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

отрицания становится очень удобным способом усиления выразительности: *Ё у ўлади, ё мен! Раисни ўлдирсам, эшагимнинг тағига қўммаган номаро! (Или он умрёт, или я! Если убью председателя, то закопаю его под своим ослом, иначе не мужик я!)* [там же, 367]. В следующих предложениях используется риторика в качестве средства художественной изобразительности: *Гапириб нима қилдим? Менинг касалимни қаёқдан тушунсин булар? (Зачем рот открыл? Откуда им понять мою болезнь?)* [там же, 307] *Ё алҳазар! Одам боласиям иунақа чиройли бўладими? (О, Боже! Может ли быть дитя человека таким красивым?)* [там же, 308]. Благодаря таким стилистическим изысканиям художника текст освобождается от монотонности повествования, в определённой степени они могут служить и индивидуализации речи персонажей в художественных произведениях: *-Билиб қўй, катта институтда раисларнинг боласи ўқийди, улим! Сендақаларга йўл бўлсин! (-Знай, в больших институтах учатся дети председателей, сынок! Куда тебе до них!)* [там же, 287].

Предложения со значением отрицания, составленные по схеме: *Местоимение + суффикс условного наклонения -са*, являются одной из особенностей синтаксиса прозы У.Хашимова. Например: *Шўрлик бошини у ёққа силкитади бу ёққа силкитади, қани тандирдан қутулса! (Бедняжка, мотает голову то в одну сторону, то в другую сторону, о, лишь бы освободиться от тандыра!)* [там же, 329] Иногда суффикс *-са* вместе с недостаточным глаголом условного наклонения образует семантику намерения и в этом предложении прослеживается и значение отрицания: *Тагин бу деворга одамнинг бўйи етса экан! (К тому же дотянулся бы человек до этой стены!)* [там же, 339].

В определённых случаях даже интонация способствует выражению отрицательного значения утвердительного предложения: *-Тўхта, ер юткур! – Онам кетимдан чопди. – Тўхта, жувонмарг. Тўхтаб бўлмап! (- Стой, чтоб сквозь землю провалился! – побежала за мной мать. – Стой, окаянный. Да, вот взял и остановился!)* [там же, 196].

Подробный анализ вышеприведённых произведений также показывает, что писатель редко использует простые нераспространённые предложения, состоящие из подлежащего и сказуемого, сложные дополнения распространённой структуры, распространённые определения с причастными оборотами, сложные обстоятельства. Также практически не употребляются номинативные предложения, и это обстоятельство объясняется тем, что предложения такого типа

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

мало используются в разговорной речи. Несоответствие подлежащего и сказуемого в спряжении служит для усиления выразительности: *Жонидан! Жонидан! – деди кўксига уриб. – Биз помонгаям бир қиё боқсинлар!* (Душечка! Душечка! – сказал, барабана по своей груди. – Пусть посмотрят и в нашу сторону!) [там же, 355].

Односоставные предложения узбекского языка отличаются широтой экспрессивно-стилистических особенностей. Это активно чувствуется и в прозе У.Хашимова. Так, в повести «Дважды два пять» повествование ведётся от первого лица, хотя местоимение «я» практически не употребляется: *Машинада пахта тераман. (Собираю хлопок на машине)* [там же, 358]. Личное местоимение встречается лишь в речи некоторых персонажей, при этом нередко вместо I лица используется местоимение III лица, что направлено на реализацию состояния и настроения персонажа: *Бугун биз қаллиққа кетялмиз! Бошда янги дўпти. Эғнимизда отпоқ кўлак, жинси шим. (Сегодня мы идём к невесте. На голове новая тюбетейка. Одели белую рубашку, джинсовые брюки.)* [там же, 338]. В данном случае замена «я» на «мы» производится для передачи гордости и бахвальства, однако в следующем произведении такая перестановка выражает семантику скромности: *Энди, домлажон, бизлар ўқиёлмадик! – Раис бува чордана қуриб жойлашиброқ ўтириб олди. (Ну, домлажон^[1], мы в своё время не смогли проучиться! – председатель сел по-турецки.)* [там же, 274].

Автор также целенаправленно применяет безличные предложения. К примеру, в предложениях: *Дадам анчагача индамади. – Суриштириб кўриш керак, – деди охири... – Қизингли кўнглиниям билиш керак; – Қарибсан, Тулаш! Ўсиб келаётган ёш кадрларга йўл бериш керак (Отец долго безмолвствовал. – Надо разузнать, – сказал он наконец... – Нужно узнать и намерения девушки; Старейшь, Тулаш! Необходимо уступить дорогу подрастающим кадрам.)* [там же, 289]. подлежащего нет, но производитель действия известен по содержанию и логике высказывания.

Использованные У.Хашимовым парцелляты и конструкции с приложениями помимо подтверждения определённой мысли выполняют экспрессивные функции: *Туришак, – дадам хижолат чекиб, илжайди. – Қантак ўрикниқи. Қоқ қуруқ. Бўйрада қуритганман. Биттасиям ерга тушмаган. (Курага, –сказал отец и смущённо улыбнулся. – Из кантарного абрикоса. Сушёная. Сушил на циновке. Ни одна не упала на землю.)* [там же, 82]. *Бизнинг ўғлимиз ҳам яхши,*

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

мўмин-қобил йигит. Муаллим... (Наш сын тоже хороший, спокойный, благоразумный парень. Учитель...) [там же,42].

Обращения участвуют в системе произведений У.Хашимова в качестве средства особой выразительности и для обозначения семантики уважения, почтения к собеседнику: *Хотин олгандан кейин она керак бўлмай қоларкан. Шуни олди-ю ўғлим ҳам айниди-қолди, қоққиндиқ, (После женитьбы человеку, оказывается, мать перестаёт быть нужной. Вот женился сын на ней и испортился, голубушка.)* [там же,66]. Однако в определённых случаях в начале предложения обращения в окружении других слов могут расширить свои стилистические возможности: *Жон адаси, айланай адаси, эжоҳиллик қилманг, келинг, шулар туя қалсин. Майли, шолчани сотамиз. (Дорогой, любимый, не будь таким злым, пускай те насытятся.)* [там же,85]. В данном предложении обращение «адаси» (букв. «отец моих детей», «дорогой») обретая частицы «жон» («жизнь моя»), «айланай» (ласк. букв. «вертеться вокруг») усиливает свою смысловую нагрузку. Если отбросить эту единицу, то фраза лишается семантики мольбы, уступая своё место значению совета.

Грамматические параллелизмы в предложениях *Навбат санъаткорларга! Рубоб жаранглади, тор варанглади, дочира баданглади, гармон гийқиллади, гижжак нола чекди. (Слово музыкантам! Рубаб прозвенел, тар пробренчал, дойра побарабанила, гармонь проскрипела, гижжак издал стоны*[там же,353]), создают определённый ритм и в прозе, упрощают чтение текста, формируют гармонию событий и явлений в изображении.

В классической литературе имеет место метод «руджуъ», когда писатель изображает (называет) какое-нибудь событие, явление, образ сначала первым пришедшим на ум образным выражением, затем в целях усиления поэтической образности и эстетического воздействия заменяет его более выразительным словом-образом[1. С.190; 8. С.58]. Этим методом воспользовался и Хашимов: *. Бунақа топшириқлар Тошкентдан, йўқ, Москванинг ўзидан келишини биласизми? (Вы знаете, что эти поручения поступают из Ташкента, нет, из самой Москвы?*[11. С.301], *Наргис? – дедим бақириб. Йўқ, бақирмабман. Овозим шивирлаб чиқибди (Наргис? – сказал я, прокричав. Нет, оказывается, не кричал. Мой голос вышел с шёпотом.)* [там же,335]. Следующие предложения, гармонирую в себе приём антитезы и повтора, также стали мощным средством выразительности речи: *Билмаган эканман, мен опамнинг эмас, онам менинг суянган тоғим экан. Эргашин гап*

**3rd International Conference
«Research, Innovation and Education» 2016**

сўраса, ҳеч нимани билмайсан, билдингми? –Билдим. Билмайман! (Не знал, оказалось, не я был спиной для матери, а мать была спиной для меня.) [там же,29], *(Если Эргашип просит о чём, ты ничего не знаешь, знаешь? – Знаю. Не знаю.)*[там же,313].

Как отметил один из талантливых исследователей языка художественной литературы К.Самадов, «язык народа настолько богат, его возможности настолько широки, что может изобразить каждое событие или явление в жизни, любое изменение в облике человека в его мельчайших деталях. Изменения в герое происходят не только в некоторых элементах, но и во всей его речи» [9. С.26]. Синтаксис прозы Уткира Хашимова ещё раз доказывает правдивость этих суждений. Близость писателя к народу сложилась в результате активного использования богатых возможностей родного языка при написании своих произведений.

References:

- [1] *The dictionary of literary terms* - Tashkent: "Teacher", 1970.
- [2] Vinogradov V.V. *About the language of fiction literature*, Moscow, Fiction literature, 1959.
- [3] Vinogradov V.V. *About the language of literally prose*. Moscow: Science, 1980.
- [4] Yefimov A.I. *About the language of artistic works*. Moscow: Uchpedgiz, 1954.
- [5] Yuldashev B. *Artistic speech Stylistics*. – Samarkand: Samarkand State University edition, 1982.
- [6] Karimov S. *Artistic style of the Uzbek language* - Samarkand "Zarafshon", 1992.
- [7] Normurodov R. *Shukur Holmirzaevs' artistic skills*. Tashkent, 2003. p.104
- [8] Rustamov A. *Navoi artistic skills*. - Tashkent: Literature and Art Publishing House of Gafur Gulyam, 1979.
- [9] Samadov Q. *Oybek's language skills*. Tashkent, 1981.
- [10] Umrulqolov B. *Artistic literature*. Tashkent, Fan, 1993.
- [11] Utkir Hashimov. *Selected works vol. No 2. The stories, tales, comics, thoughts* – Tashkent, Sharq 2009.

Endnotes:

- [1]-Преподаватель + жон (ласкательный суффикс) – уважительное обращение к учителю, наставнику.